
**Гелиан Михайлович Прохоров —
филолог, историк, культуролог**

20 марта 2006 г. Гелиану Михайловичу Прохорову исполнилось 70 лет. Всем, кто знаком с Гелианом Михайловичем, эта цифра представляется неожиданно большой и одновременно весьма малой. Большой — потому, что нет другого такого человека в нашем научном сообществе, кто был бы в зрелые годы так блистательно молод, красив, энергичен, отзывчив душой, как Гелиан Михайлович. Малой — потому, что велик научный и духовный «багаж», нажитый им за эти годы.

Гелиан Михайлович пришел в науку собственным путем (у каждого он — собственный), и самое начало этого пути уже было ярким. Надо было пройти через 5 курсов Военно-воздушной инженерной академии, через исключение из комсомола, изгнание из академии на лесоповал, в рядовые стройбата, чтобы затем осознанно прийти к своему выбору — поступлению на исторический факультет Ленинградского университета. И надо было встретить в годы юности, еще слушателем Военной академии, случайного попутчика в поезде Льва Николаевича Гумилева, чтобы на всю жизнь с этой встречи получить в его лице друга и учителя.

Другим учителем Гелиана Михайловича был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он пригласил Прохорова-студента посещать традиционные научные среды в его Отделе, а после окончания университета к себе в аспирантуру, — и затем оставил работать в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, тоже на всю жизнь.

В Отдел древнерусской литературы Г. М., специализировавшийся в университете в области византистики, принес свое научное направление, главной чертой которого стало рассмотрение древнерусской истории и литературы в широком контексте византийской культуры и истории. Его первая большая работа (защищенная как кандидатская диссертация в 1968 г.) была изначально посвящена конкретному литературному памятнику, небольшой летописной повести о том, как Дмитрий Донской пытался поставить во главе русской Церкви своего духовника Михаила-Митяя. Но из этого исследования получилась книга о Руси и Византии в эпоху Куликовской битвы (Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978; 2-е изд. СПб., 2000), поскольку автором двигало стремление не только уяснить место Повести в современной ей литературе, но и разобраться в том, какое место описываемые в ней события занимали в историческом процессе. Так с самого начала научная ра-

бота литературоведа Г. М. Прохорова соприкоснулась с областью истории Церкви.

«Розмирие» в русской митрополии, о котором рассказывала Повесть о Митяе, закончилось победой исихастов. Очень скоро Г. М. сделался крупным знатоком исихазма — духовного движения, охватившего в XIV в. византийскую Церковь и перекинувшегося вскоре на Русь, способствовавшему возрождению православия в русской Церкви. Из-под пера Г. М. вышел целый ряд статей, посвященных исихазму и исихастской литературе как на Руси, так и в Византии: его интересует творчество византийских писателей Иоанна Кантакузина и Григория Паламы, келейная исихастская литература, составлявшая круг чтения русского монашества (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит), он изучает творения митрополита Киприана, проводника исихазма на Руси, в молодости келейника патриарха Филофея Коккина, и сочинения русского «делателя» умной молитвы Нила Сорского. Помимо отдельных статей, эта сфера научной деятельности Г. М. увенчалась изданием сочинений Иоанна Кантакузина в переводе на русский (Иоанн Кантакузин: Беседы с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения / Предисл., пер. с греческого, коммент. Г. М. Прохорова. СПб., 1997). В новейшее время увидела свет монография Г. М., посвященная Нилу Сорскому.

Одновременно из изучения той же летописной Повести о Митяе выросли летописеведческие штудии Г. М. В Отделе древнерусской литературы он в сущности стал преемником главного знатока русского летописания Я. С. Лурье. И не столь важно, что преемник по большей части оказывался оппонентом своего старшего коллеги, важно, что русское летописание в его лице получило столь же преданного исследователя, каким был Яков Соломонович. В первую очередь Г. М. Прохорова интересует проблема возникновения общерусского летописания, начало которого он относит к XII в. Ему удалось иначе, чем его предшественникам, показать, как была создана Лаврентьевская летопись 1377 г. В 1994 г. при активном участии Г. М. Прохорова как организатора, исследователя и редактора было наконец осуществлено знаменитое двухтомное издание древнейшей (XV в.) иллюстрированной русской летописи — Радзивилловской (факсимильное воспроизведение рукописи, текст, исследование, описание миниатюр).

Еще одно направление научной деятельности Г. М. — гимнография. Занимаясь переведенной с греческого языка литературой Древней Руси, он написал работу (1973), посвященную гимнам и молитвам патриарха Филофея Коккина, новаторскую для времени, когда изучение литургической поэзии еще не входило в обиход нашей научной школы. Им также готовится к печати целый ряд молебных канонов на ратные и другие гемы, обнаруженных в рукописях, восходящих к эпохе Куликовской битвы; одни из них представляют собой перевод с греческого, другие, скорее всего, являются творениями русских гимнографов.

Памятникам переводной и русской литературы XIV—XV вв. была посвящена докторская диссертация Г. М., защищенная им в 1978 г. (в 1987 г. она была издана отдельной книгой).

В начале 1990-х гг. Г. М. стал инициатором издания и редактором серии «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях».

В этой серии к сегодняшнему дню вышло в свет уже тринадцать книг. В четырех из них Г. М. к тому же один из авторов: «Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские» (1993, в соавторстве с Е. Г. Водолазкинским и Е. Э. Шевченко); «Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления» (1995, в соавторстве с Т. Ф. Волковой, О. Б. Рыбаковой и Т. Р. Руди); «Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., XII)» (2004, в соавторстве с Е. В. Крушельницкой, Н. Н. Невзоровой, А. А. Романовой и Е. Э. Шевченко); «Святые подвижники и обители Русского Севера» (2005, в соавторстве с С. А. Семячко).

Кроме того, Г. М. живо интересуется и та словесность, которую мы с недавних пор называем «древнерусской литературой после Древней Руси». Он опубликовал записки интереснейшего русского человека, старообрядца Прохора Мартюшева, о жизни в Маньчжурии в первой половине XX в. русской старообрядческой общины, долго скитавшейся затем по свету (через Китай в Бразилию) и осевшей в конце концов в одном из американских штатов. Он издал книгу, посвященную Белозерскому старцу Феодору Соколову, жизнь которого пришлась на середину XX в., подготовив к печати собранные духовными детьми старца воспоминания о нем.

Главный научный интерес Г. М., органично объединяющий все выше-названные темы, — это духовная культура православия. Сквозь призму именно этого интереса смотрит Г. М. на все, чем занимается, будь то исходный греческий текст основного и древнейшего источника православного богословия — корпус сочинений, подписываемых именем Дионисия Ареопагита (Г. М. издал свой полный его перевод параллельно с оригинальным греческим текстом), — или же средневековый славянский перевод этого корпуса сочинений, получивший распространение на Руси, будь то репертуар русских монастырских библиотек или же библиотека одного русского игумена, такого как Кирилл Белозерский.

В этой связи представляется уместным сказать здесь о том свойстве личности Гелиана Михайловича, которое придает цельность всему, что он делает в науке. Это — всегда присущая ему точка зрения христианина. Не будем забывать, что наша жизнь пришлась на разлом советской и постсоветской эпох. Мы хорошо еще помним время, когда слово Бог во всех изданиях, в том числе научных, можно было писать только с маленькой буквы; когда для того, чтобы опубликовать литературоведческую работу, посвященную, к примеру, памятникам русской агиографии, надо было давать ей эвфемистическое название, и т. д. В нашем корпоративном цеху всегда были как верующие, так и атеисты, и не этим критерием — правда — измеряется вклад ученого в науку. Но правда и то, что в 60—70-е гг. среди ученых-гуманитариев преобладали атеисты, а христиане находили более уместным молчать о своей вере. Г. М. был одним из немногих, кто в то время не молчал. Он не афишировал своей принадлежности к церкви, но и не молчал, — не молчал о своих связях с богословами Лиlienфельд и Мейендорфом, о своем общении с профессорами Духовной академии и настоятелями петербургских храмов, совсем тогда немногих, не таился, ходя на богослужения. Это не была героическая поза. В Отделе, руководимом Д. С. Лихачевым, для этого не требовался героизм, но другого тако-

го человека, совершавшего все это в полной безмятежности и простоте, не было.

И за это Бог наградил его — цельностью жизненного пути, безмятежным творчеством, богатством человеческого общения. Где только нет у Г. М. друзей и близких, собратьев по науке или вере: и в итальянском монастыре в Бозе, и на Сергиевом подворье в Париже, среди славистов Германии, Болгарии, Италии, в университетах Рима и Нью-Йорка, на Соловках и в Феррапонтове, в Сыктывкаре и Новосибирске, среди старообрядцев Америки и Дальнего Востока, среди богословов и скитских жителей Германии.

При всем том Гелиан Михайлович всегда остается немного «кошкой, которая гуляет сама по себе». Я не могу забыть одной неожиданной встречи с ним. Это было в середине 1980-х гг., во время наших выездных Чтений по древнерусской литературе во Владимире. Поздним вечером, после благополучно прочитанных докладов, мы гуляли по городу с В. И. Охотниковой. Был одиннадцатый час теплой июньской ночи, и окна деревянных домов той улочки, по которой мы шли, были везде темны, впереди белело здание какой-то церкви XVII в. Вот улица кончается и выводит нас на маленькую, заросшую муравой площадь перед этой церковью. А посреди площади на перевернутом дощатом ящике сидит к нам спиной Г. М. с мольбертом или альбомом (точно сейчас не помню) и пишет красками высящуюся перед ним церковь. В небе яркая луна, тихо, чуть позади него полукругом, в полном молчании, тоже спиной к нам, мирно сидят три кошки и тоже глядят на храм. Тогда все вместе мы немного посидели рядом, поговорили о чем-то, а потом мы с В. И. Охотниковой ушли, а Г. М. с кошками остался. Об его увлечении живописью и рисунком знают все; среди его живописных работ есть и владимирский храм на пустынной ночной площади.

Карандашные и выполненные шариковой ручкой портретные зарисовки Г. М. на блокнотных листках в линейку незаметно создали целую летопись научной жизни Отдела в течение последних двух-трех десятилетий, ибо, как правило, это портреты докладчиков, стоящих за кафедрой (Г. М. любит слушать и незаметно при этом рисовать выступающего). И не только Отдела: в собрании портретных зарисовок Г. М. работники Пушкинского Дома соединились с деятелями науки и культуры разных стран, городов и весей. Это стало особенно наглядно, когда вышла в свет его книга под названием «Крестообразность времени, или Пушкинский Дом и около» (СПб., 2002), на страницах которой воспроизведены многие из тех мимолетных портретных зарисовок. Доброжелательный взор автора объединил тех, кого он нарисовал за эти годы, в одно большое содружество и сделал нас, иногда мало знакомых между собой, а порой вовсе незнакомых, ближе друг другу.

«Крестообразность времени». Кому-то эта историософская идея Г. М. (он расшифровывает ее во вступительной статье к своей книге) представляется скорее красивой метафорой, чем строго обоснованной философией. Но в ней весь Г. М. С одной стороны, здесь проявилась его способность как рисовальщика и графика облекать в графические формы некие культурологические представления и понятия. С другой — в этом выразилось одухотворенное отношение к жизни, свойственное этому человеку. Для Г. М.

одухотворенная красота — одна из доминант творчества, будь то наука или живопись. И для него в настоящем всегда присутствует прошлое, а земное прошлое и настоящее он видит в связи с небесным Вечным. Потому из написанного им живописного портрета Ольги Петровны Лихачевой проглядывает лик святой равноапостольной княгини Ольги, а с портрета византийского императора, позже инока, Иоанна Кантакузина смотрит на нас, получилось, сам Гелиан Михайлович. И в этом нет кощунства или самолюбования, а есть стремление увидеть прошлое через настоящее и приблизиться так к небесному.

Н. В. Поньрко